

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

УДК 140+316.4

DOI: 10.29235/2524-2369-2018-63-2-160-167

Поступила в редакцию 14.11.2017

Received 14.11.2017

В. А. Белокрылова

Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

ТРАНСФОРМАЦИИ МАРКСИЗМА В КОНТЕКСТЕ КИТАЙСКОГО МОДЕРНИЗАЦИОННОГО ПРОЕКТА

Аннотация. Рассматривается ценностная и теоретическая специфика китайской версии марксизма – идейного фундамента национального модернизационного проекта КНР. Его дискурсивное и категориальное пространство проблематизируется на фоне классических положений марксизма, выявляется соотношение ценностно-идеологического и прагматического аспектов марксизма с китайской спецификой, что служит актуальным поводом для обсуждения возможностей и границ участия гуманитарной теории в проектировании стратегий общественных трансформаций. Традиция китаизации марксизма сформирована несколькими поколениями обществоведов и идеологов. Уникальная диалектика устойчивости и изменчивости дискурсивного пространства китайского марксизма, прагматизация теории навстречу вызовам социальной практики, открытость глобальным трендам и верность национальным традициям должны быть поняты одновременно и как условие, и как продукт успешного поступательного развития Китая.

Ключевые слова: китайский марксизм, социальная гармония, практический материализм, гуманизация, национальный модернизационный проект

Для цитирования. Белокрылова, В. А. Трансформации марксизма в контексте китайского модернизационного проекта / В. А. Белокрылова // Вест. Нац. акад. наук Беларуси. Сер. гуманитар. наук. – 2018. – Т. 63, № 2. – С. 160–167. DOI: 10.29235/2524-2369-2018-63-2-160-167

V. A. Belokrylova

Institute of Philosophy, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

CHINESE MARXISM: MODERNIZATION OF THE THEORY IN THE SPACE OF PUBLIC TRANSFORMATIONS

Abstract. The article considers the value and theoretical specificity of the Chinese Marxism, the ideological foundation of the national modernization project of the People's Republic of China. Its discursive and categorical space is problematized against the background of classical Marxism. The correlation of the value-ideological and pragmatic aspects of Marxism with Chinese characteristics is revealed, which serves as an actual occasion for discussing the possibilities and limits of the participation of the humanitarian theory in the design of strategies for social transformations. The tradition of Sinification of Marxism is formed by several generations of social scientists and ideologists. The unique dialectic of the stability and variability of the discursive space of Chinese Marxism, the pragmatization of the theory to meet the challenges of social practice, openness to global trends and fidelity to national traditions should be understood simultaneously as both a condition and a product of China's successful progressive development.

Keywords: Chinese Marxism, social harmony, practical materialism, humanization, national modernization project

For citation. Belokrylova V. A. Chinese Marxism: modernization of the theory in the space of social transformations. *Vestsi Natsyianal'nai akademii navuk Belarusi. Seriya Humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2018, vol. 63, no. 2, pp. 160–167 (in Russian). DOI: 10.29235/2524-2369-2018-63-2-160-167

Позитивный опыт национальной модели модернизации Китая не нуждается в представлении. Политика открытости и реформ позволила не только экспоненциально нарастить экономическую мощь, но и сохранить социальную и политическую стабильность. Вдвойне интригующе звучит идеологическое обоснование реформ, согласно которому именно антикапиталистическое по самой своей сути учение марксизма, модернизированное в соответствии с китайской национальной спецификой, позволило КНР достичь впечатляющих успехов в глобальной капиталистической экономике. В этой связи модернизационный проект КНР предстает на двух уровнях: модернизация идей и модернизация социально-экономических отношений. При этом оба уровня определенным образом синхронизированы друг с другом, что представляет собой отдельный предмет анализа и, вполне возможно, предмет для подражания.

Идеология – неотъемлемая составляющая всякой масштабной реформы. Именно посредством правильно расставленных ценностных акцентов и идей мобилизуются усилия значительной массы людей, идеи становятся материальной силой. В случае успеха реформ можно констатировать, что идейный посыл оптимально совпал с индивидуальными чаяньями и надеждами людей и социальных групп – движущих сил модернизации. Без прочного «идейного фундамента» всякие усилия по социальному проектированию, пропаганде, мобилизации инновационной активности, даже при наличии экономических стимулов, не принесут достаточного эффекта.

Важно иметь в виду обстоятельство, которое может стать причиной ослабления первоначальной действенности идеологического уровня, – это приход на смену «головокружению от успехов» разнообразных побочных эффектов и болезней роста. Именно в подобных обстоятельствах наиболее вероятно повторная проблематизация идейного фундамента стратегий развития. В ответ на вызовы времени, перед которым рано или поздно оказывается любой модернизационный проект, уместна и рефлексия, и ревизия «движущих идей» и ценностных оснований. Подобный «идейный ревизионизм» – это, в первую очередь, необходимая дань практике, которая, как известно, является критерием истинности любой теории, не исключение здесь – идеологические и аксиологические процессы. В то же время критика и самокритика всегда имеет шанс затронуть и сущностный остов идеологической конструкции.

Идеология – это не только движущая сила, но одновременно и существенный стабилизирующий ресурс. В современных условиях легитимирующая функция идеологии бросает прямой вызов революционной репутации последней: «Советский, постсоветский режимы считают идеологию основным двигателем истории. Это парадокс режима, называвшего себя марксистским; однако это объяснимо, если признать, что его основная черта – это рациональная перераспределительная экономика, требующая легитимации» [1, с. 83].

Мы полагаем, что для прояснения содержания понятия «китаизированный марксизм» существенным является выделение внешней и внутренней позиции (уровней) рассмотрения. Иными словами, мы будем исходить как из саморепрезентации китайского марксизма его адептами, так и практиковать сопоставление отдельных положений китаизированного марксизма с идейной позицией основоположников, продолжателей и интерпретаторов марксистской традиции.

Жизненная сила марксизма не в самих сочинениях Маркса и Энгельса, а в их отношении к практике, отмечает профессор Ван Хао [2, с. 261]. Это утверждение может служить своеобразным лейтмотивом осмысления феномена китаизированного марксизма как идеологического фундамента национального модернизационного проекта Китая.

В китайских научных кругах основой современного «китаизированного марксизма» признаются учения Мао Цзэдуна, теория Дэн Сяопина, идеи Цзян Цзэмина и концепция развития Ху Цзиньтао. На необходимость китаизации марксизма (внесении существенных поправок с учетом национальной специфики и особенностей развития Китая) родоначальник данной традиции Мао Цзэдун указал еще в 1925 году. Ему принадлежит тезис о том, что общие принципы марксизма всегда существуют в конкретных национальных формах. Китайские теоретики традиционно широко апеллируют к высказыванию Энгельса о неприемлемости догматизации марксизма в качестве «символа веры». Разнообразие условий различных стран требует разнообразия путей и средств достижения целей [3, с. 12].

С 1945 года в Китае была выдвинута концепция «новой демократии», предполагающая многоукладность экономики, сосуществование различных классов китайского общества, установку на экономическую модернизацию. «Скачок в социализм» на развалинах полуфеодального и полукOLONиального общества был признан утопичным [4, с. 179]. Однако в 1953 году идейная риторика китайского лидера резко изменилась, на смену идей поступательного догоняющего развития пришла политика, исключая не социалистические уклады, политика «большого скачка», «культурной революции», жестких чисток государственного аппарата и бизнеса, предопределившая достаточно неоднозначный период в истории Китая.

После 1978 года политика реформ и открытости, гибкость и поступательная модернизация вновь становятся долговременным курсом развития страны. Идейный вдохновитель нового кур-

са Дэн Сяопин неоднократно отмечал, что не следует думать, что плановая экономика означает социализм, а рыночная – капитализм. И то, и другое – всего лишь средства. Рынок тоже может служить социализму [4, с. 175].

Делая ставку на реализм и практицизм, китайский марксизм открыл для себя широкий диапазон средств социальной и экономической политики, телеологическим оправданием которой в конечном счете призван служить марксистский идеал свободного и справедливого общества.

Китаизация – это совокупность практик реинтерпретации положений марксизма через призму текущих задач национально-государственного строительства Китайской Народной Республики. Китаизация имеет давнюю (на протяжении почти всего XX века) и весьма неоднородную традицию: «Попытки Китая положиться на западные схемы развития не увенчались успехом, заставив его вернуться к построению эмпирической модели, опирающейся на осязаемый опыт больше, чем на соответствие теории» [5, с. 331].

Внешняя оценка китайского прочтения марксизма также неоднозначна. Маоизм был весьма популярен среди революционно настроенных интеллектуалов на Западе на рубеже 1960–1970-х гг., в то время как со стороны адептов советского марксизма китаизация в духе Мао Цзэдуна вызывала самую бескомпромиссную критику. Ее мишенью стала избыточная, по мнению авторов, практичность и волюнтаризм китайского прочтения классиков: «Отношение маоистов к марксизму-ленинизму имеет чисто прагматический, утилитарный характер. Им нужен не марксизм-ленинизм как таковой, а его огромный авторитет, то влияние, которое он оказывает на народные массы в самом Китае и на международной арене. Недаром Мао Цзэдун как-то сказал, что марксизм-ленинизм – это стрела, с помощью которой попадают в цель, т. е. средство для достижения поставленной цели» [6, с. 124].

Китаизированный марксизм Дэн Сяопина и его последователей существенно переориентирует курс своих предшественников, но при этом продолжает позиционировать себя в контексте продолжателя марксистской традиции. Парадоксальным образом переориентация не повлекла за собой радикальную переинтерпретацию: ниспровержение авторитетов и переоценку ценностей: «Преемственность поколений руководителей КНР сопровождалась преемственностью доктринальных установок в идеологии» [4, с. 187].

Китаизированный марксизм маркирует наличие непосредственной корреляции с текущей политической конъюнктурой. Позиционируемый как практическая теория, он формируется в ответ на вызовы, исходящие со стороны внешней и внутренней государственной политики, управленческой практики: «В современном Китае марксистская философия является и руководящей идеологией, и объектом научного исследования» [7, с. 25].

Там, где теоретический багаж классического марксизма оказывается, по мнению авторов, недостаточно современным и гибким, его дополняют положениями традиционной китайской философии. Как ни парадоксально, но неизменные на протяжении многих веков древнейшие традиции конфуцианства и легизма призваны теоретически адаптировать марксизм с китайской спецификой к современным реалиям. В последние десятилетия в Китае также активизировался интерес и к западной философии XX века, что, вероятно, станет впоследствии источником нового синтеза и дальнейшего развития традиции китаизации.

Основная сложность внешнего теоретического проникновения в суть китаизированного марксизма состоит в имманентной диалектичности данной традиции: устойчивость (самоотнесенность к ценностным идеалам классического марксизма) сосуществует с изменчивостью (в диапазоне от абсолютизации идей революции и классовой борьбы в рамках маоизма до «движения в ногу со временем», где безболезненно легитимизировано и представительство бизнеса в компартии Китая, и рыночный социализм. Говоря философским языком, в китайском марксизме выбор сделан в пользу «релятивного» способа прочтения классиков. Релятивность здесь – это отнесенность к актуальным целям. Что может добавить к «субстанциальному» ядру марксистской парадигмы данный способ и, в целом, китайский опыт модернизации, еще предстоит выяснить будущим поколениям марксистов.

Практический материализм и социальная гармония – ключевые понятия, на анализе которых следует остановиться для уяснения специфики китаизированного марксизма, позиционирующего себя в качестве теории, идеологии и прямого руководства к действию в рамках национального

модернизационного проекта. Понятие социальной гармонии – это и императив современного идеала общественного устройства Китая, и центральный пункт традиционного китайского мировоззрения. К нему примыкают концепты практического материализма, гармоничного управления. Для получения адекватной картины важно разобраться, что понимается китайскими авторами под гуманизацией марксизма, какое место занимает в «гуманизированном марксизме» практическая этика, основанная на традиционных ценностях китайской культуры. Следует также проанализировать мировоззренческий посыл различных поколений концептуальных вдохновителей китаизированного марксизма. По словам академика Китайской академии общественных наук Ли Цзинюань, это идеи Мао Цзэдуна, Дэн Сяопина и идея «тройного представительства» Цзян Цзэминя.

Противопоставление «универсального» и «практического», решительный выбор в пользу последнего – отправная точка, определившая необходимость существенной модернизации марксистской теории: «Специалисты покончили со старыми традиционными моделями, исходившими из универсальных принципов, сформировалась новая структура исследования базовой теории, привнесенная практикой» [7, с. 26].

Дискуссия по поводу практического материализма, призванного заменить созданный в рамках советской традиции диалектический и исторический материализм, развернулась во второй половине 80-х годов XX века. Не случайно сторонники ортодоксальной трактовки марксизма напрямую связывали свою позицию с борьбой «против мирного перехода к капитализму». Однако по мере утверждения позиций «*социалистической рыночной экономики*» [8, с. 15] практический материализм «стал главным направлением китайской марксистской философии» [9, с. 28]. Его центральной идеей является «устройство окружающего мира в соответствии с развитием человечества» [9, с. 29]. В ответ на антиномию основного вопроса философии: «мышление или бытие?» китаизированный марксизм отвечает – практика: «Практика определяет уровень нашего овладения «материей», «сознанием», «миром», «законами» [9, с. 29].

Однако подлинной «первопричиной» деятельности, задающей практические координаты окружающей действительности, как ни парадоксально, являются идеи. Это идеи социальных проектировщиков, обладающих неограниченной централизованной властью. Вертикаль, исходя из собственного видения текущей ситуации, целей и средств, инициирует определенные политико-экономические стратегии, которые и становятся источником комплексных изменений социальной реальности. Характер последних требуется осмысливать, а точнее, обосновывать – ведь последнее слово в стратегически моделирующей социальную реальность преобразовательной деятельности принадлежит отнюдь не рефлекслирующим теоретикам.

Таким образом, «диктатура практики», направление которой определяется на верхних уровнях властной иерархии, не оставляет простора для теоретической интерпретации. Либо в полном соответствии со ставшим крылатым выражением Гегеля о разумности действительного и действительности разумного следует признать продукт практики «разумным и действительным». Критицизм, и даже простое сомнение по отношению к продуктам, а значит, к самой практике в лице ее персонализированных носителей – не что иное, как вызов вертикали социального проектирования, что является серьезным риском не только в теоретическом отношении.

Продолжая развивать аналогию с системой Гегеля, можно констатировать, что «диктатура практики» помещает практически действующий «дух» национально-государственной элиты на место полноправного субъекта истории: «Поскольку партия вооружена именно марксизмом, подчинение руководству Компартии означает подчинение объективным законам, а диктатура партии является естественной и разумной» [9, с. 35].

Данное обстоятельство определяет и онтологическую, и ценностную специфику практического материализма. Здесь, на наш взгляд, находится один из центральных диалектических пунктов корреляции классического марксизма, с одной стороны, и социально-политических практик государственного социализма – с другой. «Практический материализм» властных элит, проводников и законодателей социально-исторической динамики на местах, нуждается в символической поддержке, своеобразном «отнесении к ценности», в роли которой выступает марксистская традиция.

Практические стратегии, в зависимости от конкретных условий, талантов проектировщиков и исполнителей, могут демонстрировать эффективность либо терпеть поражения. Однако ни одно, ни другое, как и рациональный учет национальной специфики и исторически конкретных условий и т. п. не могут перформативно, лишь фактом своего самоименования, закрепить принадлежность к марксизму. И наоборот, простое самоименование социально-политических практик, реализуемых под знаменем той или иной теории, вне анализа их системного значения, не должно быть расценено как свидетельство изъятия в содержании теории, от лица которой они выступают.

Сложившаяся на протяжении XX столетия традиция творческой переработки марксизма содержит множество вариаций, среди них можно условно выделить теоретические, ценностные и практические. Активно «модернизирующих» его теоретический аппарат больше именно среди практически ориентированных прочтений. Сюда в полной мере относится и китайский марксизм. Вместе с тем грань между праксиологизацией марксизма как социально-политической стратегии и идеологической симулякризацией данного теоретического бренда далеко неочевидна.

Может ли позитивный опыт китайской модернизации быть объяснен в рамках существующих теоретических схем марксизма либо, напротив, сами эти схемы нуждаются в существенной корректировке, которая не сводится только к национально-культурной специфике Китая? Иными словами, современный успех Китая в глобализированной рыночной мироземле – это успех благодаря или вопреки? Быть может, китайская модернизация является сигналом необходимости пересмотра самого фундамента марксистской теории капитализма? Или, наоборот, идеологическая саморепрезентация китайских реформ как марксизма – современный аналог «Великого Инквизитора», чья священная тайна заключена в том, что «мы давно уже не с тобою, а с ним»?

Важнейшим компонентом китаизированного марксизма выступает концепция социальной гармонии. По убеждению китайских философов, именно она лежит в основе гуманизации марксизма. Почему ценности гармонии принадлежит цементирующая роль в китайской модели марксизма? Вероятно, она призвана уравновесить категоричность преобразовательной доктрины практического материализма, который в условиях рыночных отношений возвышает субъективность человека, раскрепощая его инициативу и предприимчивость [9, с. 34].

Очевидно, что у практической стратегии всегда есть субъект, а у субъекта – мотивы, цели и ценности. Практически действующий субъект в условиях рыночной экономики стремится преуспеть, при этом «...востребованными оказываются не абстрактные рассуждения о свободе и равенстве людей, об освобождении человека и судьбах человечества и т. п., а субъективность человека, утверждение разумности конкурентного соперничества людей на рынке за обеспечение материальных потребностей и удовлетворение материальных устремлений» [9, с. 36]. Получается, что прагматика материальных потребностей и примат экономической эффективности становятся мерой «практического гуманизма».

Знаменитые вехи китайской модернизации – концепции «малого достатка», «среднезажиточного общества» – служат наглядной иллюстрацией общей экономикоцентричной установки. Материализм? Несомненно. Человек должен есть, пить, иметь кров без этого все рассуждения о достоинстве и свободе не имеют смысла. Однако и либеральная идеология также всецело ратует за всестороннее удовлетворение этих первичных жизненных потребностей и в этом смысле она предельно материалистична. Инициативность, предприимчивость и эффективность экономического субъекта – и вовсе стержень либерального учения.

В ценностной парадигме классического марксизма гуманизм – это цель возвращения человеку человеческой сущности, а не средство построения эффективной экономики. Раскрепощенный, экономически активный субъект – необходимое, но далеко не достаточное условие формирования гуманного общества. Об этом фактически – вся теория отчуждения у раннего Маркса.

Трактуемый подобным образом практический материализм и есть «продукт гуманизации марксистской философии, одновременно это новый выбор китайцев по отношению к марксистской философии» [9, с. 36]. Однако в полном соответствии с учением классиков марксизма общественные отношения в условиях капиталистического производства становятся источником дегу-

манизации, что вынуждены констатировать и сами китайские теоретики: «Прагматическая рациональность китайцев, всеобщая погоня за материальной выгодой... создали серьезные проблемы... человек стал средством экономического развития» [9, с. 36].

В условиях возрастающей потребности в терапии системных проблем и побочных продуктов, возникших как следствие «нового выбора» Коммунистической партии Китая концепция социальной гармонии представляется действенным аргументологическим средством.

В своей работе китайский исследователь Линь Яньмэй приводит следующее официальное определение социальной гармонии, принятое на 6-м пленуме ЦК Коммунистической партии Китая, – гармония есть сущностное свойство социализма с китайской спецификой [10, с. 38]. По словам данного автора, гармонизации подлежат в первую очередь «отношения между эффективностью и справедливостью, свободой и порядком» [10, с. 39]. Существенные проблемы представляют также увеличение различий между городом и деревней, региональные различия, увеличение различий в доходах, обострение противоречий между человеком и природой, внутренним развитием и политикой реформ и открытости [10, с. 39].

Выдвижение действенной модели достижения социальной гармонии, как справедливо отмечает Линь Яньмэй, является крупной социальной инновацией. К каким же средствам гармонизации общества рекомендуют обратиться китайские теоретики? Источники гармонизации они видят в потенциале, «жизненной силе» традиционной китайской культуры, «культуры гармонии, культуры целостности, культуры спокойствия и умиротворения» [10, с. 39]. Исследователи признают, что традиционная культурная традиция, производная от крестьянского мировоззрения, «оправдывает господствующий строй, существующую ситуацию» [10, с. 40].

По словам китайских марксистов, теория гармонизации разработана с учетом политической и идеологической перипетий китайской истории новейшего времени, в результате которых «мышление борьбы» уступило место «мышлению гармонии». Из политического обихода были упразднены понятия классового врага и классовой борьбы. Принцип «тройного представительства» открыл возможность политического присутствия (членство в Коммунистической партии Китая) экономической элиты и интеллигенции. Этот достаточно радикальный для марксистской идеологии шаг вызвал бурные партийные дискуссии. Однако данная мера позволила политически легализовать, «вписать» в структуру власти представителей национального китайского бизнеса. Данный политэкономический консенсус снял назревавшее напряжение и позитивно сказался на общественной стабильности. Следует подчеркнуть, что гармонизация в рамках «тройного представительства» удачно иллюстрирует идею Маркса о закономерном характере «срачивания» экономических и политических элит.

Ценностное содержание теории социальной гармонии конкретизируется через традиционное для китайской культуры представление об гармоничном управлении. В китайской традиционной интерпретации гармоничное общество прежде всего является хорошо управляемым, т. е. гармония отнюдь не стихийный, синергетический, а целенаправленный организованный процесс (состояние): «В социалистическом гармоничном обществе... должен быть сильный организационный механизм, совершенное социальное управление, отличный социальный порядок» [10, с. 43]. В китайском социальном контексте гармонизирующему управлению подлежат и негосударственный сектор экономики.

В пространстве духовной жизни индивидов, недоступном разветвленной сети управления, к гармонизации подключаются опыт традиционной этики и идеологические механизмы. Социальная установка предпочтительных отношений в обществе удачно иллюстрируется высказыванием Конфуция о том, что благородные мужи неодинаковы, но находятся в гармонии, а низким людям гармония недоступна именно из-за их одинаковости. Установление социальной гармонии многообразного (в марксистской системе координат классово разделенного) общества отдается на откуп традиционным для китайской культуры этическим императивам: доверие, дружелюбие, забота, уважение и т. п. Иными словами, концепция социальной гармонии, с одной стороны, исходит из идеалистического посыла, что морально-нравственные факторы и культурное наследие способны в условиях «социалистической по характеру рыночной экономики» противостоять конфликтам интересов, социальному расслоению общества. С другой стороны, они материали-

стически постулируют первостепенное значение экономического развития для гармоничного развития общества и процветания государства: «Крепкий материальный фундамент позволяет уменьшить социальные различия, предоставить материальные возможности обеспечения социальной справедливости, совершенствования социальных гарантий» [10, с. 42–43]. Именно в совершенствовании экономических и материальных отношений между людьми, того, что сам Маркс признавал базисным уровнем функционирования общества, Китай сегодня активно ищет ключ к обществу социальной гармонии.

По мере дальнейшего увеличения глобальной значимости Китая на мировой арене интерес к китайскому опыту будет возрастать. Идеинный каркас модернизации, который представляет собой важнейшую составляющую социально-экономических преобразований, требует изучения как на уровне дискурсивного пространства государственной идеологии, так и на уровне повседневных установок общественного сознания. Идеологический компонент и поведенческая составляющая экономического развития не случайно стали в последние десятилетия предметом пристального междисциплинарного изучения. Однако отсутствие глубокого понимания механизмов реализации социальных технологий, приведших в итоге к позитивному результату, – причина не критичного копирования, «родовой болезни» большинства сценариев догоняющего развития. Именно этого сумел избежать Китай, проявивший восточную гибкость и дальновидность в различных сферах, практически синтезировав специфику национальных условий и глобальные тренды. Поэтому долгосрочные и среднесрочные тенденции в дискурсивном пространстве китаизированного марксизма, который по-прежнему позиционируется в качестве основы государственной идеологии КНР, представляются перспективным предметом изучения, прежде всего в силу непрекращающейся эволюции в ответ на новые вызовы современности.

Статья выполнена при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований в рамках проекта «Современная философия марксизма в контексте теории и практики социальной модернизации», договор № Г16 КАО/А-006 от 01. 03. 2016 г.

Список использованных источников

1. Буравой, М. Марксизм после коммунизма / М. Буравой // Рубеж (альманах социальных исследований). – 1999. – № 13–14. – С. 65–88.
2. Цырендоржиева, Д. Ш. Китаизация марксизма и модернизация Китая / Д. Ш. Цырендоржиева, О. Б. Бальчиндоржиева // Изв. Томск. политехн. ун-та: Экономика. Философия, социология и культурология. История. – 2013. – Т. 323, № 6. – С. 261–265.
3. Маркс, К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Т. 39. – М.: Изд-во полит. лит., 1966. – 747 с.
4. Бальчиндоржиева, О. Б. Модернизация китайского общества: социально-философский анализ: дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.11 / О. Б. Бальчиндоржиева. – Улан-Удэ, 2015. – 376 с.
5. Виноградов, А. В. Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности / А. В. Виноградов. – М.: НОФМО, 2008. – 368 с.
6. Идеино-политическая сущность маоизма / С. А. Воеводин, Л. М. Гудошников, Е. Ф. Ковалев [и др.]. – М.: Наука, 1977. – 443 с.
7. Цзинюань, Ли. Современное состояние и тенденции развития китайской философии / Ли Цзинюань // Вопр. философии. – 2007. – № 5. – С. 21–26.
8. Буров, В. Г. Китайский опыт модернизации: теория и практика / В. Г. Буров, В. Г. Федотова // Вопр. философии. – 2007. – № 5. – С. 7–20.
9. Цинянь, Ань. Современная китайская марксистская философия – практический материализм / Ань Цинянь // Вопр. философии. – 2007. – № 5. – С. 27–37.
10. Яньмэй, Линь. О теории социалистического гармоничного общества / Линь Яньмэй // Вопр. философии. – 2007. – № 5. – С. 38–44.

References

1. Buravoi M. Marxism after communism. *Rubezh. Al'manah social'nyh issledovaniy* [*Rubezh. Social Research Almanac*], 1999, no. 13–14, pp. 65–88 (in Russian).
2. Cyrendorzhieva D. Sh., Balchindorzhieva O. B. Chinasation of Marxism and modernization of China. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta. Ekonomika. Filosofiya, sotsiologiya i kul'turologiya. Istoriya = Bulletin of the Tomsk Polytechnic University. Economy. Philosophy, sociology and culturology. History*, 2013, no. 6, pp. 261–265 (in Russian).
3. Marx K., Engels F. *Collected Works. Vol. 39*. Moscow, Polytechnic publishing literature, 1966. 747 pp. (in Russian).

4. Balchindorzhieva O. B. *Modernization of Chinese society: social-philosophical analysis*. Ulan-Ude, 2015. 376 p. in Russian).

5. Vinogradov A. V. *The Chinese model of modernization. The search for a new identity*. Moscow, Scientific and Educational Forum on International Relations, 2008. 368 p. (in Russian).

6. Voevodin S. A., Gudoshnikov L. M., Kovalev E. F., Kononov E. A., Krivtsov V. A., Naumov V. N., Senin N. G., Sidikhmenov V. Ya., Sladkovskiy M. I., Altaiskiy M. L., Feoktistov V. F., Yakovlev A. G. *The ideological and political essence of Maoism*. Moscow, Nauka Publ., 1977. 443 p. (in Russian).

7. Czinyuan Li. The current state and development trends of Chinese philosophy. *Voprosy filosofii* [Philosophy questions], 2007, no. 5, pp. 21–26 (in Russian).

8. Burov V. G., Fedotova V. G. Chinese modernization experience: theory and practice. *Voprosy filosofii* [Philosophy questions], 2007, no. 5, pp. 7–20 (in Russian).

9. Cinyan An. Modern Chinese Marxist philosophy – practical materialism. *Voprosy filosofii* [Philosophy questions], 2007, no. 5, pp. 27–37 (in Russian).

10. Yan'mei Lin'. On the theory of a socialist harmonious society. *Voprosy filosofii* [Philosophy questions], 2007, no. 5, pp. 38–44 (in Russian).

Информация об авторе

Белокрылова Вера Анатольевна – кандидат философских наук, заведующий Центром управления знаниями и компетенциями. Институт философии, Национальная академия наук Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: institute@philosophy.by

Information about the author

Vera A. Belokrylova – Ph. D. (Philos.), Head of the Knowledge Management and Competence Center, Institute of Philosophy, National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, 220072 Minsk, Belarus). E-mail: institute@philosophy.by